

И. Э. Грабарь

Гагаринский особняк в Москве

Одной из первых жертв вандалских воздушных налетов немцев на Москву в 1941 г. стал знаменитый «гагаринский особняк» — Книжная палата — на Новинском бульваре, подлинная жемчужина русской архитектуры начала XIX в.

После изгнания Наполеона из России Москва осталась в развалинах. От страшного пожара уцелели лишь обгорелые стены каменных правительственных и немногих частных зданий, деревянная же Москва сгорела дотла. Москвичи не только среднего достатка, но и богачи предпочитали жить в уютных деревянных особняках, носивших характер помещичьих усадеб.

Начиная с 1814 г. началось лихорадочное строительство: «первопрестольная» восстанавливалась не по дням, а по часам, и в каких-нибудь 5—10 лет здесь было выстроено несколько тысяч новых, в большинстве опять деревянных домов. Их проектировали и строили с таким вкусом и мастерством, что выросшая из пепла новая столица стала еще богаче и наряднее прежней, оправдывая до известной степени реплику, вложенную Грибоедовым в уста Скалозуба: «Пожар способствовал ей много к украшенью».

Заяезжие иностранцы в течение всего XIX в. в письмах, записках и реляциях не находили слов для выражения своего восхищения чудесными барскими особняками, заполнявшими все главные улицы Москвы. Среди них особое место занимал дом князей Гагариных, выделявшийся чудесными архитектурными формами и изящным внутренним убранством. Было очевидно, что весь он в целом, снаружи и внутри, являлся произведением великого зодчего, но никто не знал, кто был его автором, как не были известны и имена строителей десятков других великолепных зданий, появившихся в Москве в десятилетие 1814—1824 гг.

Когда сорок лет назад я приступал к подготовке издания «Истории русского искусства», я был несказанно озадачен отсутствием в общей и специальной литературе каких бы то ни было сведений о даровитых мастерах, воздвигнувших все эти неувядаемые по своей красоте шедевры. В частности, особенно хотелось выяснить автора гагаринского особняка. Трудно было рассчитывать разыскать его имя в одном из государственных архивов, так как дом строился частным лицом. Оставалось единственное средство — идти к тогдашнему владельцу князю В. Н. Гагарину и попытаться узнать что-нибудь у него. Однако оказалось, что последний давно уже безвыездно живет в Риме, а в Москве проживает только его сын, молодой князь

Н. В. Гагарин, художник-дилетант, выстроивший себе незадолго перед тем большую мастерскую. Мое имя ему должно было быть известно, так как в Третьяковской галерее уже висели тогда две мои картины — «Луч солнца» и «Февральская лазурь», да, кроме того, я был автором ряда статей по вопросам искусства и редактором нескольких изданий. Все это облегчало мой визит, и весной 1906 г. я отправился к молодому Гагарину.

Я оказался желанным гостем, и князь сразу закидал меня кучей профессионально-технических вопросов. Удовлетворив его любопытство, я приступил к делу.

— Скажите, князь, неизвестно ли вам имя того замечательного архитектора начала XIX в., который выстроил ваш дом?

— Откуда же я могу это знать? — ответил он с явным недоумением.

— Может быть, ваш отец знает? Он вам никогда об этом не говорил?

— Никогда. Да я уверен, что и он не имеет об этом понятия и едва ли когда-либо интересовался тем, кто строил наш дом.

— А не разрешите ли вы мне порыться в вашем архиве?

— В каком архиве? Да у нас и архива никакого нет.

— Ну, как нет? Не может быть, чтобы у вас не сохранилось семейной переписки 1810-х годов.

— У меня решительно ничего нет.

— Ну, может быть, сохранились старые приходно-расходные книги. Мне этого достаточно.

— Сомневаюсь, ни о чем таком не слышал... Но сейчас узнаем.

Он позвонил камердинеру и просил позвать управляющего. Когда тот явился, он спросил его:

— Иван Сиридонович, есть у нас архив?

— Никак нет, ваше сиятельство.

— Ну вот видите, никакого архива нет.

— Разрешите мне предложить вопрос Ивану Сиридоновичу?

— Сделайте одолжение.

— Скажите, любезный, нет ли где-нибудь в вашей усадьбе сарая, где было бы много старинных книг в кожаных переплетах?

— Такой сарай есть, и в нем действительно много старых книг в кожаных переплетах.

— Ну вот, князь, мне ничего другого и не надо. Разрешите проводить меня туда, и, может быть, мне удастся найти там то, что мне нужно.

Мы отправились с управителем.

В сарае оказалось действительно богатейшее собрание знакомых мне по виду фолиантов

в темных кожаных переплетах, частью расставленных по полкам, частью наваленных кучами на полу. На корешках виднелись полустертые от времени и сырости цифры годов XVIII и XIX вв. В каких-нибудь полчаса я нашел несколько книг 1810-х годов. В одной из них, относящейся к 1817 г., бросились в глаза драгоценные записи о постройке дома и об уплате различных сумм архитектору за проектирование и постройку особняка.

То был архитектор Осип Иванович Бове.

Занеся в свою записную книжку нужные сведения, я вернулся к князю. Каково же было его изумление, когда я сообщил ему о своем открытии.

— Как? На все это вам понадобилось не более получаса? Да вы просто маг и волшебник!

— Нет, я имею только некоторый опыт и специфический нюх. Например, я убежден, что если вы разрешите мне поискать еще и у вас здесь, скажем, в кабинете вашего отца, в его бумагах, то мы наверное найдем еще немало интересного.

Он охотно согласился, и мы в тот же день извлекли из каких-то давным-давно заброшенных старых вязок с бумагами фасады дворового флигеля, манежа и зала новинского дома и большой полустлешней фасад главного дома со следами подписи Бове. Гораздо больше повезло другим чертежам, обнаруженным тут же, — фасадам и планам дома и церкви в Никольском, подписанным Старовым¹. Последние мне удалось сфотографировать, но чертежи Бове были в таком жалком состоянии, что все мои попытки их зафиксировать на фотографии не привели ни к чему.

Я тут же попросил разрешения спуститься в подвал и подняться на чердак для исследования характера стройки. Оказалось, что дом был срублен обычным для штукатурных деревянных домов приемом вертикально поставленных на каменный цоколь бревен.

Имя Бове мне было уже известно после того, как я изучил дела архива Комиссии для строения Москвы, главным действующим лицом которой он был в течение двадцати лет². Комиссия эта была учреждена приказом московского генерал-губернатора графа Ростопчина от 27 мая 1813 г., но ее деятельность открылась только 3 июня.

Директором Комиссии был назначен князь Цицианов, приступивший немедленно к формированию ее штатов. Большинство архитекторов было им привлечено из числа служащих упраздненной Экспедиции Кремлевского строения, но нужда в технических силах была столь велика, что пришлось набирать их и со стороны.

9 сентября 1813 г. О. И. Бове подал на высочайшее имя прошение о зачислении его на службу в Комиссию.

Из этого прошения, а также из ряда других документов Комиссии видно, что он был сыном неаполитанского живописца-портретиста Винченцо Джованни Бова (1750—1816), приехавшего в Петербург в 1782 г., поступившего на службу в Эрмитаж и принявшего русское подданство. У него было четыре сына, из них три архитектора, из которых два старших родились в Петербурге — Осип Иванович (1784—1834) и Михаил Иванович (1797—?). Младший, Александр Иванович, родился в Москве (1804—1888).

В конце XVIII в. Бова-отец переехал со

всей семьей в Москву, где переименовал свою фамилию на Бове, получившую постепенно французское звучание с ударением на конце — Бове.

Бове-отец поселился в Архангельском, где написал ряд портретов с тогдашнего владельца усадьбы князя Голицына, его родни и предков.

В 1802 г. Осип Бове поступил в архитектурную школу при Экспедиции Кремлевского строения, где учился у знаменитого М. Ф. Казакова. Повышаясь из года в год в чинах, он в 1812 г. уже получил звание архитектора. В том же году он хлопочет перед Академией художеств о задании ему программы на звание архитектора, но начавшаяся война заставила его вступить в армию, и он уволился из Экспедиции, давшей ему аттестат о «честной и беспорочной службе».

В 1816 г. Бове вновь ходатайствует перед Академией художеств о присвоении ему звания академика за его многочисленные работы по восстановлению Москвы. Он приложил к прошению «Список каменным и деревянным домам, равно и другим строениям казенным и партикулярным, выстроенным в Москве по начертанным проектам титулярного советника Бове, утвержденных г-ном главнокомандующим, генералом от кавалерии Александром Петровичем Тормасовым»³. В списке всего 35 построек, в числе которых есть немало первоклассных, таких, как Верхние торговые ряды на Красной площади, существовавшие до постройки в 90-х годах Померанцевым нынешних рядов (ГУМ) Под номером 23 значится: «Дом князю Гагарину в Москве возобновлен с новыми принадлежностями и в деревне выстроен вновь дом и церковь». Это дом отца Н. С. Гагарина, строителя новинского дома — князя Сергея Васильевича Гагарина, у Петровских ворот, заново перестроенный Бове после пожара. Впоследствии он был приобретен в казну для Екатерининской больницы, существующей и до сих пор⁴.

18 сентября 1813 г. Ростопчин утвердил назначение Бове архитектором Комиссии для строения. Здесь он делает головокружительную карьеру, превратившись, начиная с 1814 г., в полновластного хозяина Комиссии. Ни одно дело не решается без Бове. Для него создается особая штатная должность главного архитектора «по фасадической части».

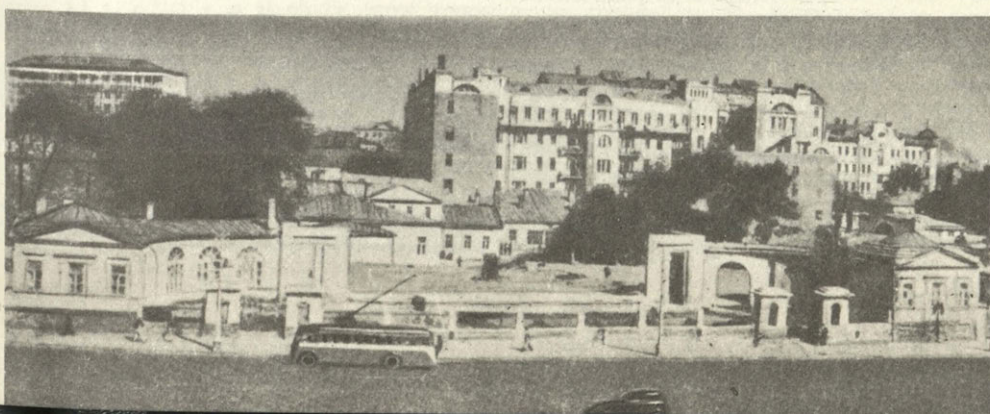
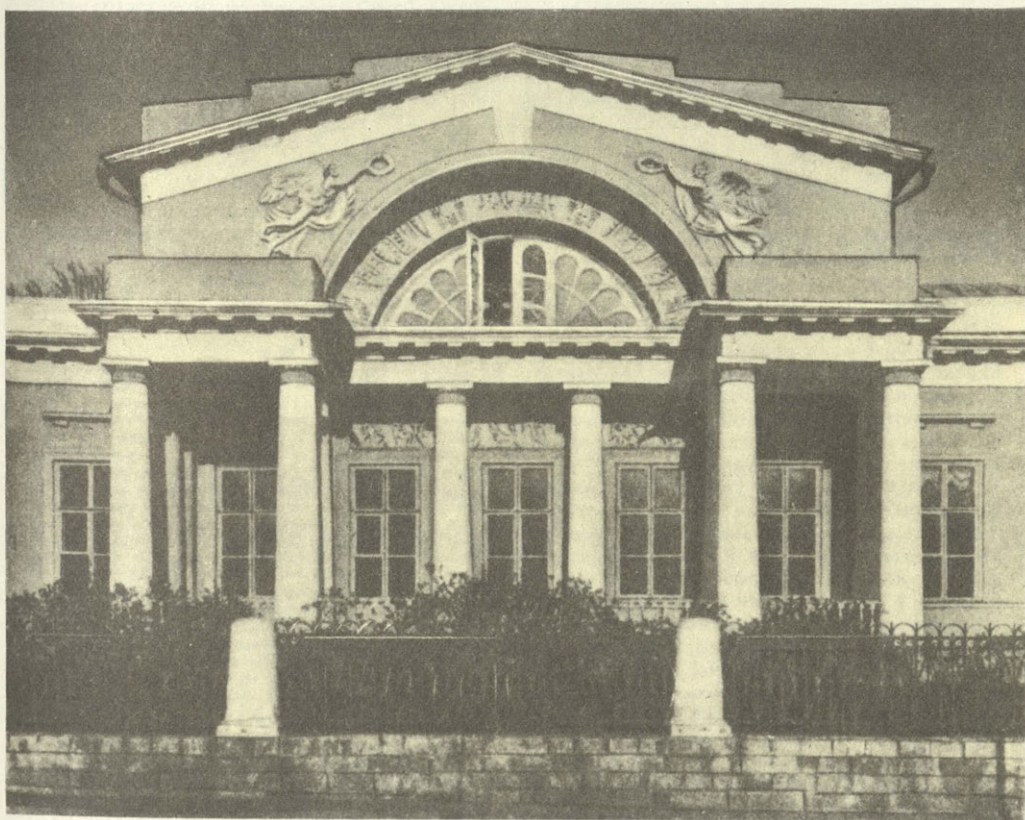
Когда на специальном заседании Комиссии был поставлен вопрос о пропорциях в архитектуре, «о мерах вышины и ширины зданий» и все архитекторы высказывали на этот счет различные соображения, Бове решил проще всех: он просто предложил направлять к нему лично все фасады «для придания им приличного вида, каковы, по исправлении оных по правилам архитектурским в определительное положение, и будут представляемы обратно Комиссии», как заканчивал Бове свое предложение.

Ко времени постройки гагаринского особняка Бове был уже одним из влиятельнейших людей Москвы, породившись с тамошней аристократией, считавшей его своим человеком. Естественно, что богатейший князь Н. С. Гагарин, владевший в Москве уже великолепным палацом у Петровских ворот, предложил Бове выстроить ему новый, более интимный и уютный дом.

Основная, центральная часть здания стояла несколько отступая от улицы, на линии которой

Особняк Гагарина в Москве до разрушения фашистами. Архитектор О. И. Бове

Особняк Гагарина после фашистской бомбардировки

поставлены лишь два боковых павильона, соединенных с центром полукруглой галереей-переходом, с тремя большими оконными проемами, выходящими в палисадник. Фасад центральной части был украшен шестиколонным портиком римско-дорического ордера с богато орнаментованными в духе начала XIX в. капителями. Впереди двух крайних колонн стояло еще по паре таких же колонн, образующих как бы два спаренных колонных портика, выступающих из плоскости главной стены справа и слева от центра. Над портиком в центре помещалось в глубокой полудиркульной нише великолепно и по-новому задуманное и выполненное фронтонное окно, по сторонам которого находились скульптурные горельефные «Славы».

Фасад главного корпуса делился архитектурными членениями на три равные части: среднюю, отвечающую portalу и имеющую внизу пять оконных проемов, а во втором этаже полудиркульное окно, и две боковые части. В свою очередь каждая из последних имела два равных деления: ближайšie из них к portalу с двумя осями каждое, а крайние справа и слева — прирубленные к основному срубу, несколько отступающая от него вглубь, — по одной оси. В центре правого прируба находился главный вход с улицы, через палисадник; в центре левого ему отвечало окно. Декоративная обработка обоих проемов была одинакова и состояла из плоского наличника-portalа, построенного из двух пилястров с архитравом.

Три интерколумнии центральной части имели над окнами стандартного типа барельефы на сюжеты из античной мифологии. Между колоннами боковых портиков над окнами помещались лепные украшения из факелов.

Боковые павильоны, каким-то чудом уцелевшие от пожара, вызванного зажигательной бомбой, обработаны крайне просто, что подчеркивало контраст с нарядной средней частью. Из трех окон каждого павильона только среднее обработано в виде наличника с пилястрами по бокам архитрава, украшенного орнаментальными крылатыми зверями.

В позднейшее время полукруглая галерея, соединявшая левый флигель здания с его главной частью, была прорвана, и на ее месте появились въездные ворота. Еще позднее входная дверь с улицы была заделана, и сбоку, налево от ворот, в торцовой части дома, пробита новая наружная дверь. Пять каменных ступеней вели в холл, отделенный от входной площадки двумя дорическими колоннами. Впоследствии по линии этих колонн была поставлена для утепления деревянная переборка с застекленными дверьми, и, таким образом, вместо единого вестибюля образовалось два помещения — входная площадка и передняя (1 и 2 по плану).

Из холла две двери вели в следующую комнату (3), из которой четырьмя дверьми можно было пройти в дальнейшие апартаменты. В этой проходной на стене был укреплен горельеф, изображавший бегущего льва. Отсюда посетитель переходил либо через левую дверь в комнату (4), ведущую в гостиную (5), либо через дверь прямо против входа шел в парадный зал (7). Последний отделялся от гостинной колонным переходом, образовывавшим изящное своеобразное сооружение, род беседки, построенной из 12 колонн — четырех спаренных и четырех ординарных.

В конце зала дверь справа вела в комнату (8), а слева — в подсобные помещения. Из гостинной открывалась дверь в торжественный танцевальный зал, разделенный надвое четырьмя спаренными колоннами (9—10). Из него можно было пройти в смежный, несколько меньшего размера зал, также разделенный надвое полукруглой аркой (11). Наконец, из колонного зала дверь вела в закругленную переходную галерею и оттуда в правый павильон. Колонный зал замыкался полукруглой стеной с четырьмя приставными колоннами, отвечающими главной колоннаде (10).

Архитектурное убранство каждой из комнат являло пример такой декоративной изобретательности, что оно могло служить подлинной школой для нескольких поколений архитекторов. Особенно сверхающим был декор колонного зала и зала (7). Сочетание нарядной колоннады с плафонной росписью и лепными орнаментами карниза производило неотразимое впечатление в первом. Во втором столь же умело, но не повторяя уже использованных мотивов, в общую композицию была включена колоннада перехода из зала в гостиную. Глаз жадно ловил каждую деталь обстановки: бронзовые украшения дверей, их узорные скобки, прелестные ключи, люстры, мебель.

С трудом верится, что навсегда погибла вся эта феерическая красота, созданная гением архитектора-художника. Бове выстроил гагаринский особняк в период творческого подъема. Впереди его ожидали еще более пышные триумфы — постройка Большого театра и Триумфальных ворот, планировка Театральной площади и Александровского сада с его беседками, решеткой, чугунными воротами и множество барских особняков. Но такого пленительного произведения, как гагаринский особняк, ему уже не довелось создать.

¹ Бове строил «Новинский дом», как он значился неизменно в домовых книгах Гагариных, для князя Николая Сергеевича Гагарина (1783 — 1842), гофмейстера и одного из богатейших людей тогдашней Москвы. Его жена, графиня Мария Алексеевна Бобринская, дочь сына Екатерины II и Григория Орлова — графа Алексея Григорьевича Бобринского, наследовала от бабки и деда несметные богатства. Н. С. Гагарин был страстным любителем архитектуры и всю жизнь строил. У него было несколько домов в Москве, дома и церкви в имениях. Кроме новинского дома, он соорудил гигантскую для городских условий усадьбу у Высокого моста, впоследствии перешедшую к Найденовым. Главный дом, выходящий на Садовую, в конце XIX в. несколько испорчен, но в свое время не уступал в роскоши новинскому. При последнем был лишь небольшой сад, у Высокого моста была поставлена иная, более сложная, но и более увлекательная задача создания великолепного паркового ансамбля, с аллеями, беседками, фонтанами, каменной лестницей, ведущей прямо во второй этаж дома, и целой сетью надворных и хозяйственных построек. Такой ансамбль и создал другой великий зодчий, современник Бове, Д. И. Жилярди. О. И. Бове выстроил в том же 1817 г. особняк для брата Н. С. Гагарина, князя С. С. Гагарина, на Поварской, ныне музей Максима Горького, до революции — здание Конозаводства (записи об этом см. в тех же расходных гагаринских книгах).

² Излагаемые в дальнейшем сведения о семье архитекторов Бове, о Комиссии для строения Москвы и роли в ней О. И. Бове мною извлечены из архива Комиссии, переданного после ликвидации ее в 1843 г. в 4-й округ Министерства путей сообщения. 40 лет назад я потратил немало времени на его разыскание по десяткам различных ведомств и на проработку богатых материалов по истории русской архитектуры XIX в., сосредоточенных в них.

³ Дело О. И. Бове, его прошение и список произведенных им до 1816 г. построек в Москве и окрестностях мне удалось разыскать в архиве Имп. Академии художеств в 1906 г.

⁴ Здание у Петровских ворот, в котором сейчас помещается больница, было выстроено князем С. В. Гагаринным (1782), но перестроено заново его сыном С. С. Гагаринным (1745 — 1798), когда оно получило свой великолепный колонный портик. До сих пор эта царственная колоннада переносится в Москву.